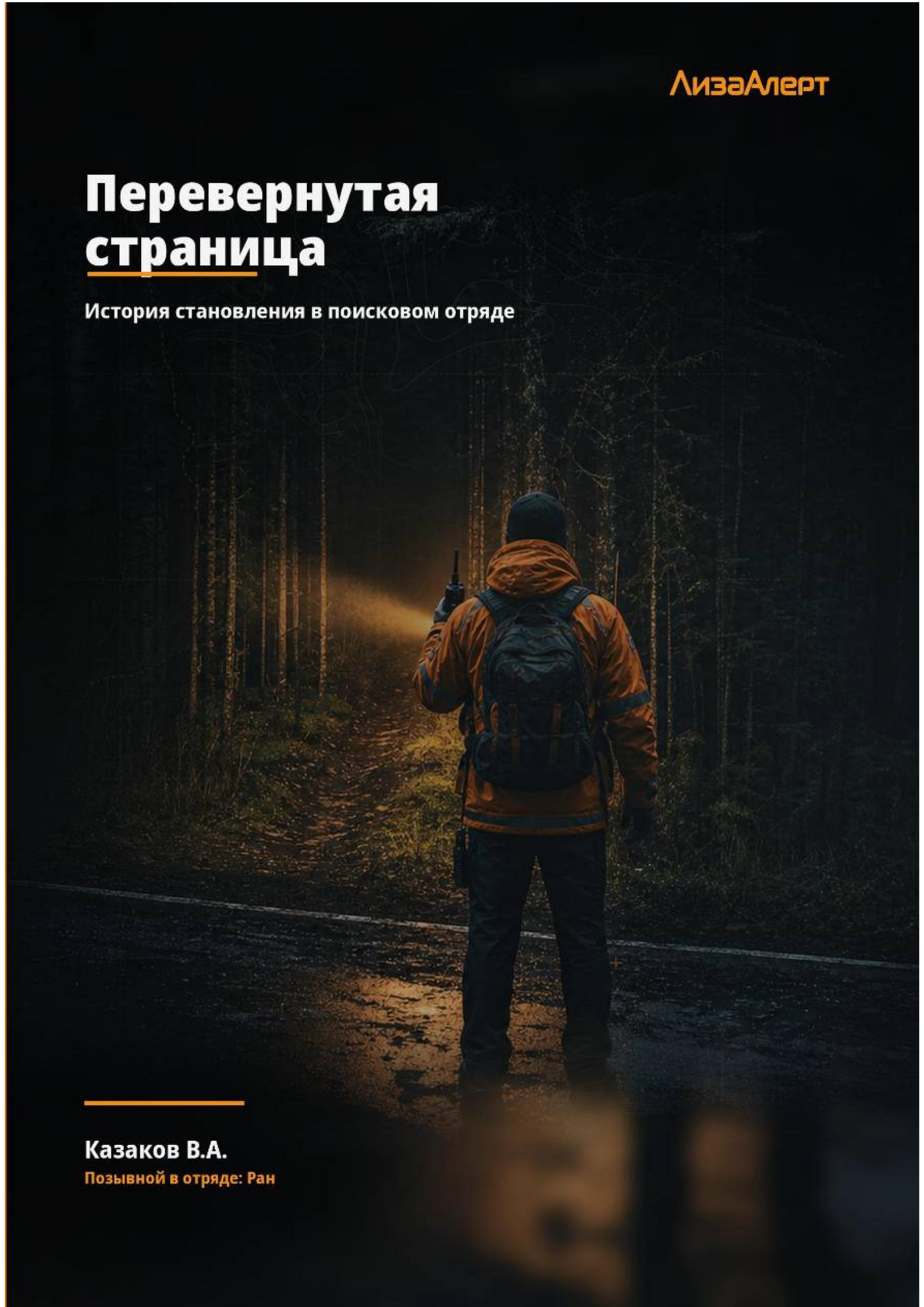
ЛизаАлерт

Перевернутая страница

История становления в поисковом отряде

Казаков В.А.

Позывной в отряде: Ран

Владимир Казаков

Перевернутая страница

«Автор»
2026

Казаков В.

Перевернутая страница / В. Казаков — «Автор», 2026

Это история о человеке, который однажды пришёл на лекцию поискового отряда почти случайно и долго не мог понять, имеет ли право быть среди тех, кто уходит в лес, в дождь, в ночь и чужую беду. Через первые выезды, ошибки, страх, усталость, обучение, штаб, болото и людей рядом герой постепенно проходит путь от сомнения «смогу ли я?» до внутреннего ответа: быть частью поиска — значит не быть героем, а быть готовым. Это книга о ЛизаАлерт, о взрослении внутри добровольчества, о силе команды и о том, как одна перевёрнутая страница может изменить не биографию, а самого человека.

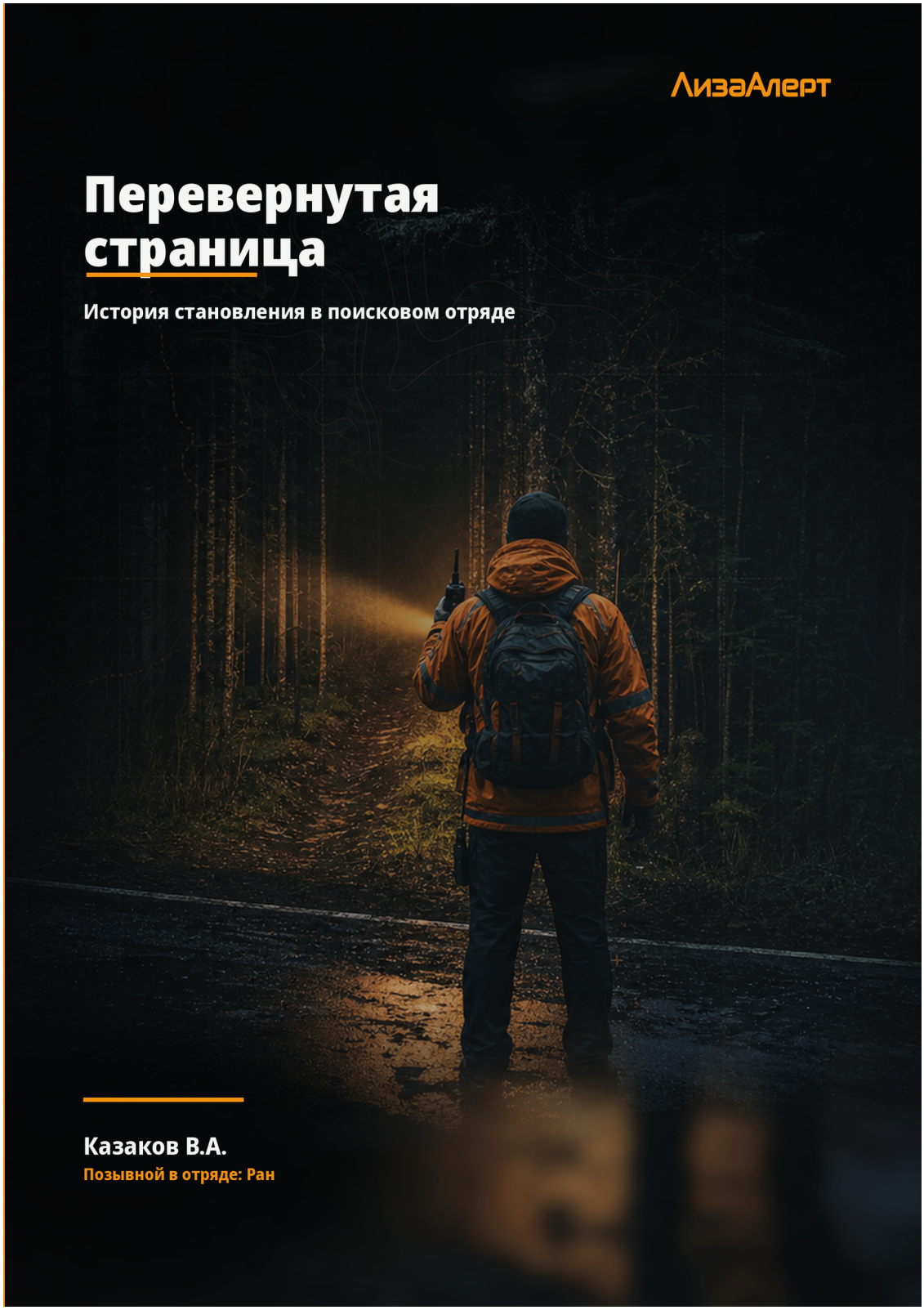
© Казаков В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Перевернутая страница 5
Небольшая справка для читателя 6
Пролог 8
Глава 1. Дверь 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Перевернутая страница

Перевернутая страница

Небольшая справка для читателя

В этой книге будут встречаться слова, которые внутри ЛизаАлерт звучат привычно, а для человека со стороны могут показаться чужим языком. Чтобы не объяснять их каждый раз посреди сцены, лучше договориться о них сразу.

ЛизаАлерт — добровольческий поисково-спасательный отряд. Его участники ищут пропавших людей: в городе, в лесу, на воде, в полях, в заброшенных местах, иногда рядом с домом, иногда там, куда без задачи вообще не стоит соваться.

Ориентировка — лист с фотографией и приметами пропавшего человека. Его печатают, размещают в сети, передают экипажам, расклеивают на улицах. Для прохожего это просто объявление. Для поиска — один из способов вернуть человека.

Заявка — информация о пропавшем, с которой начинается поиск. Её нельзя принять на бегу и «примерно понять». Важны время, место, состояние человека, одежда, привычки, маршруты, телефоны, последние контакты. Иногда одна уточнённая деталь меняет весь район поиска.

Инфорг — человек, который собирает и держит информацию по поиску: общается с заявителем, уточняет детали, готовит ориентировку, поднимает людей в чате, передаёт данные координатору и штабу.

Координатор — тот, кто ведёт поиск целиком. Он распределяет задачи, понимает, какие группы где находятся, что уже проверено, куда идти дальше и когда остановиться. Для участника на месте его голос часто звучит спокойно. За этим спокойствием обычно стоит очень много решений.

Заря — позывной координатора в радиообмене. Когда группа выходит на связь и говорит: «Заря, я Лиса пять», она обращается не к человеку по имени Заря, а к тому, кто ведёт поиск и принимает доклады.

Штаб — место, откуда управляется поиск на местности. Иногда это палатка, иногда багажник машины, мокрый капот, ноутбук под дождём и люди, которые всю ночь держат в голове движение групп.

Лиса — поисковая группа, которая уходит на задачу. Внутри неё есть старший и участники. Лиса может идти по лесу, по городу, по треку, на отклик, на прочёс или на другую задачу, которую дал штаб.

СПГ — старший поисковой группы. Это человек, который ведёт группу в лесу или на задаче, отвечает за темп, связь, безопасность и возвращение людей обратно. Быть СПГ — не значит идти первым красиво. Это значит помнить, что за тобой идут живые люди.

ОК — оперативный картограф. Он работает с районом поиска, треками, точками и картой внутри ноутбука. В поле участники чаще идут с навигатором: карта как рабочий инструмент живёт прежде всего в штабе и на экране.

Прозвон — работа, которую чаще всего делают из дома: звонят по больницам, моргам, службам, знакомым, организациям, уточняют возможные места, фиксируют ответы и передают важное в поиск.

БВП — без вести пропавший. Сухая аббревиатура, за которой всегда стоит конкретный человек и те, кто его ждёт.

БПЛА — беспилотный летательный аппарат. В поиске его используют для осмотра местности с воздуха, иногда с тепловизором.

Отклик — методика поиска в лесу - ответ пропавшего на зов поисковой группы. Когда в темноте кто-то кричит имя, ждёт, слушает и вдруг слышит живой голос из леса — это отклик.

Прочёс — движение группы по заданному участку, когда люди идут линией или по определённой схеме и внимательно проверяют местность.

Трек — записанный путь группы в навигаторе. По нему видно, где люди уже прошли, что проверили и какие места ещё остались белыми пятнами.

Навигатор — один из главных инструментов в поле. Он показывает точки, направление, записывает трек и помогает не потерять задачу под ногами, когда вокруг лес, темнота, вода или снег.

Пролог

Двадцать пятое мая начиналось слишком светло для человека, который два дня назад вышел из леса под дождём.

За окном тянулась белая ночь: город уже должен был погаснуть, но небо всё ещё держало свет. Было почти утро и почти вечер одновременно. Солнце держалось у края домов, не уходило, только притворялось. На подоконнике остывал кофе. На полу у двери стояли ботинки.

Они ещё не высохли.

Я заметил это не сразу. Сначала открыл телефон, машинально пролистнул несколько сообщений, остановился на фотографии и долго смотрел, не двигая пальцем. На снимке были люди у мангала. Мокрые куртки, дым, чьи-то руки с тарелками, чья-то улыбка, слишком усталая, чтобы быть постановочной. Дым шёл вверх почти ровно, будто дождь наконец смирился и дал огню право на несколько минут тишины.

Фотография была обычная. Такие снимки потом теряются в памяти телефона среди чеков, скриншотов и случайных кадров. Но в ней что-то держало взгляд: дым, мокрые рукава, усталая улыбка и моё знание о том, какой ценой люди на этом снимке дошли до мангала.

Два дня назад была Лахта.

Дождь начался утром и не собирался становиться фоном. Он работал вместе с лесом: залезал под воротник, стекал по рации, превращал тропы в тёмную кашу, тяжёлым слоем ложился на рюкзак. Через час уже не понимаешь, что ещё сухое, а что окончательно сдалось дождю. Через два часа мокрым становится всё. Через три это уже не обстоятельство, а среда обитания.

Мы шли этап за этапом. Компас в руке. Группа за спиной. Лес впереди. В какой-то момент я поймал себя на том, что перестал спрашивать внутри: «А справлюсь ли?» Ответ не прояснился. Просто сам вопрос начал мешать слышать людей.

В лесу лишние вопросы имеют вес.

Ты смотришь в навигатор, слышишь дыхание группы, проверяешь направление и делаешь шаг. Потом следующий. Ошибся — исправляешься. Устал — не объявляешь усталость главным событием дня. Страшно — замечаешь страх и возвращаешься к задаче.

Так я и шёл.

Некрасиво, без уверенности, иногда слишком напряжённо, иногда слишком молча. Но шёл. И когда мы вышли к штабу уже в сумерках, я увидел огонь и людей возле него. Винтик возился у мангала. Хлеб был нарезан неровно, по-походному, зато от него пахло домом. Дым смешивался с мокрой хвоей, и на несколько секунд всё стало очень простым: лес позади, люди рядом, еда горячая, и этого вдруг хватало, чтобы признать — мы дошли до конца этого дня.

Я тогда не сказал ничего важного.

Иногда важные вещи не произносятся сразу. Они остаются в теле: в тяжести ног, в плечах, в пальцах, которые помнят, как держали компас. Потом проходят сутки, вторые, город возвращает тебе обычные дела, письма, звонки, магазины, разговоры о погоде. А внутри всё ещё идёт дождь.

Я отложил телефон и посмотрел на ботинки у двери. На одном из них засохла тонкая полоска глины. Я мог бы сразу отнести их в ванную, отмыть подошву, поставить сушиться как положено. Вместо этого сидел и смотрел.

Год с небольшим назад у этой истории были другие ботинки, другая куртка и совсем другое выражение лица. Тогда я ещё не понимал, что такое СПГ, как звучит рация ночью и как быстро обычный человек превращается в точку на экране. А главное, сколько людей должно сработать, чтобы эта точка снова стала человеком дома.

Я даже за отрядом почти не следил.

Это Юкино раньше меня замечала ориентировки. Иногда показывала телефон: ушёл из дома, не вернулась, нужна помощь, нужны экипажи. Она говорила об этом без нажима, почти буднично, но после таких слов кухня становилась другой. Чайник кипел так же, свет падал на стол так же, ребёнок мог смеяться в соседней комнате, но где-то в этой обычной жизни появлялась трещина. За ней было видно: рядом кто-то ищет своего человека.

Я слушал, кивал, иногда спрашивал:

«Нашли?»

И если ответ был «пока нет», больше вопросов не задавал.

Человек долго может жить рядом с чужой бедой, не приближаясь к ней. Можно сочувствовать, репостить, говорить правильные слова. Можно считать себя неравнодушным и при этом ни разу не проверить, сколько в этом неравнодушии действия.

В феврале прошлого года проверка подошла слишком близко.

Лекция ЛизаАлерт в «Спутнике». Обычная вводная для новичков. Просто прийти, послушать, узнать, как всё устроено. Без обязательств и подвигов. Так это выглядело в объявлении.

Но я помню себя перед той лекцией лучше, чем многие поиски потом.

Помню рабочий стол, открытые вкладки и письма, на которые можно было ответить завтра, но я перечитывал их так внимательно, будто от них зависела судьба квартала. В углу монитора стояли часы. И ещё помню, как долго можно заниматься мелочами, если очень не хочется сделать один простой шаг.

В тот вечер я почти не поехал.

А потом всё равно встал.

Сейчас, после Лахты, после дождя, после костра, после группы за спиной, это кажется странным. Как будто речь о другом человеке. Но это был я. Тот самый. Сидел в машине у «Спутника» и смотрел на стеклянную дверь, за которой уже собирались люди.

Дверь была обычная.

Важные двери почти всегда выглядят обычными.

Я открыл ноутбук не ради отчёта, поста или попытки кому-то что-то доказать. Просто понял: если сейчас не записать этот путь по порядку, он снова распадётся на отдельные истории. Первый выезд. Штаб. Ночной лес. Ошибки. Болото. Тихвин. Учения. Всё станет набором случаев, а не дорогой.

А это была дорога.

И начиналась она вовсе не в лесу, не с рации и не с дождя двадцать третьего мая.

Она начиналась в тот вечер, когда я сидел перед дверью и ждал, что кто-нибудь решит за меня.

Никто не решил.

Пришлось выходить самому.

Глава 1. Дверь

До лекции оставалось сорок минут, когда я в третий раз открыл почту.

Новых писем не было. Это не помешало мне проверить папку со спамом, удалить два рекламных сообщения, открыть календарь, закрыть календарь, снова посмотреть на время и сделать вид, что я занят. В комнате было тихо. За стеной что-то негромко сказала Юкино, ответил ребёнок. Обычный вечер. В такие вечера люди ужинают, разбирают дела, обещают себе лечь пораньше и почти никогда не делают того, что может что-то изменить.

На столе лежали ключи от машины.

Я видел их боковым зрением и старательно не смотрел прямо.

Лекция начиналась в «Спутнике» на проспекте Тореза. Ехать недалеко. Выйду сейчас — успею спокойно. Потяну ещё десять минут — тоже успею, но уже с раздражением на светофоры. Через двадцать появится приличная причина не ехать: опоздал, неудобно входить, в следующий раз лучше подготовлюсь.

«В следующий раз» звучало почти благородно.

У этого выражения вообще хорошая репутация. Оно не похоже на отказ. В нём есть забота о качестве, уважение к обстоятельствам, намёк на будущую ответственность. Только иногда за ним прячется очень простая вещь: сегодня я не готов встретиться с собой.

Я поднялся из-за стола без резкого жеста и внутренней музыки. Скорее как человек, которому надоело наблюдать за собственной трусостью в прямом эфире.

Куртка висела в прихожей. Я долго застёгивал молнию, хотя она не заедала. Проверил карманы. Телефон, ключи, кошелёк. Всё было на месте. Никакого последнего препятствия.

Юкино выглянула из комнаты.

— Поедешь?

Вопрос был спокойный. Без давления. Она вообще не делала из этого события. Возможно, именно поэтому стало сложнее соврать.

— Поеду, — сказал я.

Она кивнула так, будто ответ был естественным.

Для неё ЛизаАлерт давно не был пустым словом. Она раньше меня замечала ориентировки, читала новости, иногда рассказывала о поисках. Без агитации, без уговоров и без фразы «тебе тоже надо». Просто эта тема была в её поле зрения, а значит, постепенно появилась и в моём.

Я видел отряд сначала через неё.

Сначала через короткие фразы за ужином, фотографии людей на ориентировках и сообщения, где обычные слова звучали страшнее любого рассказа: ушёл, не вернулась, нуждается в медицинской помощи, может находиться в лесном массиве. Без литературы и драматургии. Только сухая попытка быстро собрать людей вокруг чужой беды.

Иногда Юкино говорила:

— Нашли.

И в доме становилось легче.

Иногда:

— Пока ищут.

Тогда наступала пауза, в которую не хотелось вставлять бытовые слова.

Я долго оставался рядом с этим, но на безопасном расстоянии. Примерно так человек стоит у воды в холодный день: понимает, что вода настоящая, слышит её, видит, как она движется, но ботинки остаются сухими.

Лекция была первым случаем, когда надо было подойти ближе.

На улице моросило. Петербург умел делать так, чтобы любое важное решение выглядело не торжественным, а слегка неудобным. Стёкла машины покрылись мелкими каплями. Дворники провели по ним два раза, оставив мутные дуги. Я включил навигатор, хотя дорогу знал.

Пока едешь, легче.

Дорога забирает часть мыслей. Нужно смотреть в зеркала, держать полосу, успеть на жёлтый или честно остановиться, найти место для парковки. Большой вопрос на время распадается на маленькие операции. В этом есть милосердие.

Я пытался думать о лекции как о чём-то информационном. Приеду, послушаю, решу, что это не моё, и спокойно уеду. Или, наоборот, заинтересуюсь, но сначала подготовлюсь: похудею, куплю нормальную обувь, разберусь в снаряжении, почитаю, спрошу, дозрею. Очень взрослый план. Очень разумный.

Самое неприятное было в том, что все мои отговорки действительно звучали разумно.

Опыта не было. Ни туристического прошлого, ни спасательской подготовки, ни военной выучки, ни детства в лесах, где север угадывают по мху на камне. Я коммерческий директор, человек с календарём, таблицами, задачами, семьёй и весом, который в лесу не превращается в преимущество.

Мне было проще представить себя полезным в разговоре, чем в мокром лесу ночью.

На проспекте Тореза я нашёл место не сразу. Потом припарковался чуть дальше, чем хотелось, заглушил двигатель и остался сидеть.

«Спутник» был рядом.

Здание выглядело как обычное городское здание. Снаружи не было границы между прежней и новой жизнью. Люди входили в стеклянную дверь: один держал стаканчик кофе, другой говорил по телефону, мужчина в тёмной куртке придержал дверь девушке с рюкзаком. Она кивнула, вошла. Всё происходило просто.

Я не выходил.

Смешная, почти унизительная подробность: доехать через полгорода оказалось легче, чем открыть дверь машины.

Я смотрел на вход и ждал, что появится причина. Звонок с работы. Сообщение от дома. Внезапная отмена лекции. Любая внешняя сила, которая дала бы мне право не решать самому. Телефон молчал.

В стекле входной двери отражались фары проезжающих машин. Каждый раз, когда кто-то заходил внутрь, свет на секунду ломался, и за стеклом открывался кусок холла: люди, стойка, движение, чьи-то руки с листами бумаги.

Там уже что-то начиналось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.